

https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/8/ochen-lichnaya-kniga-4.html

Сойфер В. Очень личная книга [опубликовано: Новый Мир. 2010. № 8]. – 18.08.2020 // Журнальный зал: — литературный интернет-проект, представляющий деятельность русских толстых литературно-художественных и гуманитарных журналов, выходящих в России и за рубежом: [сайт]. – URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2010/8/ochen-lichnaya-kniga-4.html (дата обращения: 12.12.2021). – Режим доступа: раздел «Журналы», подраздел «Новый Мир», «2010», «№ 8». – Предыдущие публикации глав см. там же 2009. №№ 3, 4: № 3 https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/3/ochen-lichnaya-kniga.html, https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2009/4/ochen-lichnaya-kniga-2.html.

Опубликовано в журнале *Новый Мир*, номер 8, 2010

ОЧЕНЬ ЛИЧНАЯ КНИГА

Валерий Сойфер

Сойфер Валерий Николаевич — биофизик, молекулярный генетик, историк науки. Родился в 1936 г. в Горьком. Окончил Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева и четыре курса физического факультета МГУ. Доктор физико-математических наук. Профессор Университета им. Джорджа Мейсона (США), почетный профессор МГУ им. Ломоносова и других университетов. Автор более двадцати книг, в том числе: «Арифметика наследственности», «Молекулярные механизмы мутагенеза», «Красная биология», «Власть и наука. История разгрома коммунистами генетики в СССР» и др. Живет в США.

Этой публикацией журнал продолжает рассказ Валерия Сойфера о выдающемся российском ученом Сергее Четверикове. Главы этих воспоминаний уже печатались в нашем журнале:

Сойфер Валерий. Очень личная книга. — «Новый мир», 2009, № 3 - 4.

Чтобы объяснить, каким выдающимся был вклад в науку российского ученого Сергея Сергеевича Четверикова и в силу каких причин Россия потеряла приоритет открытий этого ученого, нужно вернуться еще раз к обсуждению истории развития той области, в какой он работал, и тех коллизий, которые существовали в науке в его время.

В первом десятилетии XXI века, когда биология, или даже правильнее сказать — молекулярная биология, стала ведущей наукой, на достижениях которой всецело покоятся современные медицина и сельское хозяйство, не так легко объяснить коллизии, потрясавшие круги биологов веком раньше — в начале 1900-х годов. Тогда только еще зарождавшаяся генетика успела оттолкнуть традиционных биологов от себя, и многие факторы способствовали такому отторжению. Однако главными пружинами раскола стали две взаимосвязанные проблемы: вера в наследование благоприобретенных под влиянием внешней среды признаков и пренебрежительное отношение к дарвинизму многих основателей генетики в начале XX века.

Во влияние внешней среды на изменения наследственности верили с незапамятных времен, но блестящее по форме и содержанию обоснование этого тезиса дал французский ученый Жан Батист Пьер Антуан де Моне, шевалье (или рыцарь) де Ла Марк (1744 — 1829), вошедший в историю как Жан Батист Ламарк. В огромном труде «Философия зоологии» (1809) он изложил концепцию родства, постепенного эволюционирования одних видов в другие. Он распределил все виды по «подвижной лестнице существ», на которой более высоко стоящие виды произошли от нижестоящих.

Чарлз Дарвин использовал идеи Ламарка (хотя словесно дистанцировался от него и совершенно несправедливо и зло обзывал труд Ламарка «дрянной книгой») и попытался развить свою идею изменений наследственности под влиянием среды («теорию пангенезиса»), в которой, впрочем, был воспроизведен главный тезис Ламарка о наследовании благоприобретенных изменений.

Экспериментальные попытки доказать такое наследование предпринимались на протяжении второй половины XIX века неоднократно, но в каждом из опытов присутствовал тот или иной дефект [1].

Крупнейший немецкий биолог Август Вейсман в 1883 году в лекции «О наследственности», произнесенной при вступлении в должность вице-ректора Фрейбургского университета, подробно обосновал тезис отсутствия прямого влияния среды на наследственность, но понял, что его вербальные объяснения не производят должного впечатления. Тогда он решил потратить силы и время на специальные опыты, против которых возразить что-либо будет невозможно. Он стал отрубать хвосты белым мышам, спаривать их между собой, у помета повторять операцию по удалению хвостов и продолжать их скрещивание друг с другом. 20 сентября 1888 года он сообщил на съезде естествоиспытателей в Кёльне о первых пяти поколениях мышей (849 обследованных потомков). Удаление хвоста не сказалось на свойствах потомства: все мыши рождались с хвостом той же длины, как у их родителей. К 1892 году число изученных поколений достигло 19, а к 1913 году — 22. Ни у одного из 1592 мышат хвост не исчез и не укоротился.

Вейсман, конечно, знал о еще более показательном примере из тысячелетней истории человечества, ясно говорившем об отсутствии наследования благоприобретенных признаков: обряд обрезания мальчиков не устранял нужду в обрезании, равно как и разрыв девственной плевы у девушек не вел к исчезновению в следующих поколениях этой плевы.

И тем не менее искоренить из биологических дискуссий разговоры о возможности благоприобретенного наследования не удавалось. Повсеместно удерживалась вера в такое наследование — и среди биологов, и в кругах людей, далеких от биологии. Например, Карл Маркс и Фридрих Энгельс верили в правоту этих утверждений. А от своих кумиров подхватили эту веру и более поздние марксисты, особенно глашатаи марксизма в советской России. Такое утверждение может показаться парадоксальным, поскольку Маркс и Энгельс включали в свои построения дарвинизм как неперемнную часть. Но они не были знакомы с деталями учения Дарвина, и различия между взглядами Ламарка и Дарвина были для них неясны. Маркс вообще позволял себе критиковать Дарвина, ему не нравилась его «тяжеловесная английская манера изложения», он выражал несогласие с использованием Дарвином идеи Мальтуса о перенаселении, он высмеивал Дарвина за то, что тот «в мире животных и растений узнает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование» [2]. Нужно заметить, что оба создателя марксизма весьма упрощенно понимали роль различных факторов эволюции и на первое место среди них ставили прямое приспособление к изменениям окружающей среды, то есть были оба больше ламаркистами, чем дарвинистами.

И тем не менее отношение к ламаркизму стало постепенно меняться, а тезис о наследовании благоприобретенных мутаций отвергали все более решительно. В 1903 году датский биолог Вильгельм Йоганнсен опубликовал результаты многолетних опытов, доказавших, что изменения, появляющиеся у растений в результате лучшего питания, ухода, освещения и прочих факторов выращивания, не наследуются. Он высевал в условиях строгой изоляции, препятствующей скрещиванию, семена фасоли одного сорта, первоначально различавшиеся весом и размером, и изучал их свойства на протяжении нескольких лет. Предотвращение скрещивания позволяло получать все более чистые линии, но чем чище по своей наследственности они становились, тем однообразнее выглядели. Чистые линии, происходящие как от шуплых, так и от массивных семян, оказались через несколько поколений совершенно однотипными. Йоганнсен провел строгий статистико-математический анализ для обоснования своего вывода. Тезис о воздействии среды на наследственный аппарат (иными словами, о наследовании благоприобретенных признаков), который был центральным в рассуждениях Ламарка и в более поздних редакциях «Происхождения видов» Дарвина, был опровергнут. Йоганнсен отверг и другое важнейшее положение Дарвина: естественный отбор «подхватывает» организм лучшего строения, игнорируя окружающих его «средняков».

Изменения (модификации) не смещали ни в лучшую, ни в худшую сторону наследственную структуру организмов и, следовательно, не могли подпасть под действие отбора, не могли дать ничего нового. «Ни один факт не говорит за то, что отбор способен сместить тип линии», — сделал вывод ученый. Он заключил: «Нужно отказаться от спекуляций в области эволюционного учения».

В самом конце XIX века начали накапливаться кардинально важные сведения о роли случайно возникающих наследуемых изменений, которые позже стали называть мутациями. В 1899 году академик Петербургской академии наук Сергей Иванович Коржинский (1861 — 1900) описал явление внезапного и решительного изменения наследственности самых разных организмов. Изменения с момента своего возникновения передавались потомкам. Он зафиксировал разнообразные примеры таких внезапных наследуемых изменений (внезапно возникшую безрогость у быков; внезапную и с момента появления стойко передаваемую потомкам черноту одного плеча павлина; цельность пластинки листа у земляники и другие). Гетерогенные особи возникали нечасто среди нормальных особей и всегда без всякой связи с изменениями внешней среды, что дало основание Коржинскому твердо заявить, что процесс возникновения гетерогенных особей дает начало возникновению новых видов. Он сделал решительный и чрезвычайно важный вывод: «...среди потомства, происходящего от нормальных представителей какого-нибудь вида или расы и развивающихся при одних и тех же условиях, неожиданно появляются отдельные индивидуумы, более или менее отклоняющиеся от остальных родителей. Эти отклонения бывают довольно значительны и выражаются целым рядом признаков, чаще же ограничиваются немногими или даже одним каким-нибудь отличием. Но замечательно, что эти признаки обладают большим постоянством и неизменно передаются по наследству из поколения в поколение. Таким образом сразу возникает особая раса, столь же прочная и постоянная, как и те, которые существуют с незапамятных времен». Коржинский гениально отметил главное отличие отклонений, названных им гетерогенными, от обычных флуктуаций признаков (он именовал последние индивидуальными вариациями): первые, по его утверждению, наследовались, а вторые не влияли на наследственный аппарат; позже их назвали модификациями.

Не менее гениальным было то, что он, подобно Г. Менделю, четко указал на место средоточия структур, несущих наследственную память, — половые клетки. В приложении к растениям он писал: «Причина гетерогенезиса заключается в каких-нибудь изменениях, совершающихся в половых продуктах — в пыльце или семязпочке». Он перечислил четыре отличительных свойства гетерогенных перерождений: неизменная единичность возникновения, полная независимость от внешних условий, наследуемость и разнонаправленность.

Подробно описав примеры многих гетерогенных вариаций, он предложил вместо теории отбора свою «теорию гетерогенезиса». В отличие от Дарвина, объяснявшего процесс эволюции медленным накоплением мелких признаков и их закреплением за счет естественного отбора, Коржинский предложил объяснять эволюцию внезапным появлением новых наследуемых форм. Он не использовал термин «мутации», но по сути описал именно возникновение мутаций генов. Поразительно, что он сделал это за год до того, как зародилась сама наука генетика (ее рождение обычно относят к 1900 году).

Преждевременная смерть в 1900 году в возрасте 39 лет не дала возможности Коржинскому широко распропагандировать свою теорию гетерогенезиса, и его имя осталось малоизвестным в мировой науке. Лавры первооткрывателя мутационной теории достались голландскому ботанику Хуго де Фризу (1848 — 1935), который двумя годами позже Коржинского опубликовал труд о появлении мутаций и их роли в эволюции живых существ на Земле. В 1901 году де Фриз опубликовал первый том «Мутационной теории», а в 1903-м —

второй том. Он заявил, что обосновал возможность внезапного изменения организмов, в результате которых возникают формы, вполне подпадающие под определение новых видов. Этот вывод он сделал на основании специальных экспериментов с растениями вида энотера (русское название «ослиник»). В 1886 году он высадил 9 экземпляров растений вида энотера Ламарка (*Oenothera Lamarckiana*), завезенных в Европу из Северной Америки. Через 2 года у него уже было 15 тысяч потомков первоначальных растений, среди которых появилось 10 измененных по внешнему виду: 5 карликовых (менее четверти высоты нормальных растений) и 5 необычайно широколиственных. Продолжая высевать год за годом все новые поколения нормальных растений и отдельно от них измененные формы, де Фриз изучил 7 поколений (общим числом 53 тысячи экземпляров) и убедился, что внезапно возникшие карлики и формы с необычайно широкими листьями стойко сохраняли новые признаки. Де Фриз написал, что если бы ботаники встретили в природе подобные формы, они, несомненно, отнесли бы их к разным видам (так серьезно отличались они по внешнему виду от растений вида энотера Ламарка). Поэтому де Фриз дал им новые ботанические названия — *Oenothera papella* и *Oenothera lata*. Вскоре он выявил среди массы растений энотеры гигантскую форму, белолистную энотеру, продолговатолистную и другие. Мутанты появлялись среди тысяч нормальных растений достаточно редко, но они сохраняли измененные признаки в поколениях, то есть были настоящими мутантами, а не модификациями. Автор сделал такое заключение: «...виды происходят не путем постепенного превращения вида в вид, а ступенчатым путем. Каждая новая появляющаяся форма образует новую ступень и отделяется совершенно резко и полностью в качестве нового вида от прежде существовавшего вида, из которого она произошла. Новый вид при этом появляется сразу, он возникает из прежнего без какой-либо подготовки, без переходов». Это заключение, сформулированное де Фризом в книге «Виды и разновидности и их происхождение путем мутации», написанной на основании лекций, прочитанных в Калифорнийском университете в Америке в 1904 году, казалось бы, ставило крест на дарвинизме.

Возражения против дарвинизма высказывали и те, кто изучал комбинаторику признаков у гибридов организмов, возникавших в результате скрещиваний.

Антагонизм между сторонниками дарвинизма и нарождавшейся новой науки — генетики с годами стал усиливаться. Ставший традиционным подход, разделявшийся большинством биологов, толкал его приверженцев к горячим и нередко огульным обвинениям генетиков в «самолюбии и зазнайстве». Альфред Уоллес, который пришел к идее естественного отбора еще до Дарвина, заявлял, что он «протестует против чудовищных претензий» генетиков, которые лишь издают «трубные гласы». После переоткрытия законов Менделя в 1900 году генетиков стали обзывать менделистами (в русской литературе с легкой руки К. А. Тимирязева — «мендельянцами»). Тимирязев прочно удерживал пальму первенства в подмене научных дискуссий забористыми выражениями. Его оскорбления «мендельянцев» (вроде определения их деятельности как вмешательство «клерикального и националистического элемента в самую светлую область человеческой деятельности») переключивались из одной его брошюры в другую, а он был очень плодовитым публицистом и издавал не только статьи в журналах, таких как «Вестник Европы», или газетах, таких как «Русские ведомости», но и выпускал за свой счет брошюры «Дарвин как тип ученого», «Дарвинизм перед судом философии и нравственности», «Отбой мендельянцам» и другие. В них язвительные словечки нанизывались одно на другое, образуя густую вязь ругани.

Особую ненависть Тимирязева вызывала позиция английского биолога Уильяма Бэтсона (1861 — 1926), который предложил сам термин «генетика» и объявил, что биологи «больше не нуждаются в общих идеях об эволюции», понимая под «общими идеями» дарвинизм. Йогансен в 1915 году столь же решительно заявил: «...совершенно ясно, что генетика вполне устранила

основу дарвиновской теории подбора <...> которая не находит себе теперь никакой поддержки в генетике. Совершенно так же обстоит дело с гипотезами, которые оперируют с «наследственными приспособлениями», «наследственностью приобретенных свойств» и с тому подобными идеями, примыкающими к воззрениям Ламарка. <...> Остаются верными многочисленные примеры мутаций, а также комбинации в результате скрещиваний...»

Интерес к генетике в докоммунистической России был живым и многообразным (вопреки заявлениям А. О. Гайсиновича и некоторых его учеников). Достаточно сослаться лишь на книги, изданные задолго до переворота 1917 года, учиненного большевиками [3]. В 1914 году в «Книгоиздательстве студентов Московского сельскохозяйственного института» был издан огромный учебник Е. Ф. Богданова «Менделизм, или Теория скрещивания» на 626 страницах с 309 рисунками и фотографиями. На внутренней обложке автор дал подзаголовок этому исчерпывающему на тот день руководству: «Новое направление в изучении наследственности и изменчивости». В оглавлении книги были указаны 79 глав.

С 1918 года Н. К. Кольцов стал заведовать кафедрой в Московском университете и организовал Большой зоологический практикум, а вскоре С. С. Четвериков стал читать курс лекций, названный «Биометрия», в котором большая часть курса была посвящена генетике. Затем, с 1920 или 1921 года, С. С. Четвериков в рамках кольцовского практикума стал вести занятия по генетике. В имеющемся в моем распоряжении описании «Практических занятий по ГЕНЕТИКЕ» (видимо, приготовленном в 1922 году — дата на этой странице отсутствует), напечатанном на пишущей машинке и собственноручно подписанном Четвериковым, говорится: «Занятия односеместровые, 2 недельных часа для студентов старших курсов, работающих на большом практикуме у проф. Н. К. Кольцова». Далее он поясняет: «Работы поставлены с Американскими плодовыми мухами (*Drosophila melanogaster*)», затем идет приписка карандашом: «Доставленными из лаборатории проф. Моргана (Нью-Йорк)». Эта приписка могла быть сделана в конце лета 1922 года, поскольку тогда Москву посетил ближайший ученик Т. Моргана Германн Мёллер, который привез с собой эту коллекцию мух и подарил ее Четверикову. На занятиях практикума Четвериков давал возможность студентам своими руками убедиться в правомочности менделевских законов наследственности и в хромосомной теории наследственности.

Четвериков к этому времени уже был известен как ученый, внесший свой оригинальный вклад в генетику. В 1905 году он опубликовал работу «Волны жизни», в которой впервые поставил вопрос о роли в ускорении (или замедлении) эволюционного процесса резких колебаний численности организмов разных видов в популяциях. Он обобщил данные (в большей степени собственных наблюдений), показывающие, что год от года в природе наблюдаются всплески численности отдельных видов, и предположил, что в момент резкого увеличения числа особей какого-либо вида может происходить заметное увеличение доли организмов с измененными характеристиками. Если в годы относительного «затишья» такие измененные организмы (в силу их малой численности) не могут претендовать на то, чтобы быть подхваченными отбором, то на «волне жизни» они могут мгновенно (в шкале темпов эволюции) получать превосходство по сравнению с неизменными особями. Этот пионерский прорыв в понимании механизмов отбора стал признанным много десятилетий позже.

Другая его работа сразу же привлекла внимание специалистов в мире. 1 марта 1914 года он сделал доклад на открытии Московского энтомологического общества, озаглавленный «Основной фактор эволюции насекомых», который был опубликован в следующем году в первом томе «Известий» этого общества. В нем впервые был поставлен вопрос о кардинальном отличии эволюции позвоночных от эволюции беспозвоночных: наличие у первых внутреннего скелета, позволявшего удерживать гораздо большую массу тканей и органов, и отсутствие такового у насекомых, имеющих «внешний», наружный «скелет» в виде хитинового покрова. Он

детально рассмотрел эти отличия и пришел к парадоксальному выводу: именно отсутствие внутреннего костяного скелета дало огромное преимущество в эволюции насекомым. Завершая анализ, он писал, что причина, легшая «в основу противоположного направления путей эволюции позвоночных и насекомых», заключается «в существовании у насекомых наружного хитинового скелета, благодаря которому они были в состоянии, все более и более уменьшая размеры своего тела, завоевать совершенно самостоятельное место среди других наземных животных, и не только завоевать его, но размножиться в бесконечном разнообразии форм и тем приобрести громадное значение в общем круговороте природы. Так их ничтожество стало их силой» (курсив мой. — В. С.).

Эта работа была мгновенно оценена как решающий вклад в понимание путей эволюции, переведена на английский язык и напечатана в 1918 году в США (перепечатана вновь в 1920-м), а президент одного из Всемирных энтомологических конгрессов решился на беспрецедентный поступок: вместо своего пленарного доклада при открытии конгресса он прочел работу Четверикова.

Таким образом, уже в первое десятилетие своей научной карьеры Четвериков показал себя выдающимся специалистом, глубоко понимающим роль генетики в прогрессе эволюции. Не менее важны были для развития высшего образования в России и его лекционный и практический курсы генетики в Московском университете в 1910 — 1920-е годы. Фактически он стал основателем кафедры генетики Московского университета.

Хорошо известно, что первые лекционные курсы генетики были поставлены и в Петербургском университете Юрием Александровичем Филипченко примерно в эти же годы. Причем в Северной столице наблюдалось такое же, как в Москве, противостояние генетиков, с одной стороны, и марксистов, принявших исключительно ламаркистские взгляды, — с другой. Там также пытались создать «пролетарскую» биологию. В 1919 году там было учреждено Научное общество марксистов с естественно-научной секцией, а с самого начала 1920-х годов стало функционировать Общество биологов-материалистов. Поскольку в это время усилиями философов типа А. Деборина советская пропаганда муссировала разговоры о главенствующей роли марксистской диалектики в решении научных проблем, то «пролетарская» линия в развитии науки была переведена в разговоры о «диалектической» линии. Тех, кого обвиняли в отходе от «диалектической линии», называли теперь реакционерами, вредителями, пособниками или даже агентами мировой буржуазии. Активным адептом этой фразеологии в Ленинграде стал с 1925 года Исай (по паспорту Исаак) Презент, окончивший факультет общественных наук, но объявивший себя специалистом по диалектике живой природы. Осенью 1929 года он возглавил естественно-научную секцию Общества воинствующих материалистов-диалектиков, а весной 1930 года — и Общество биологов-марксистов. Руководители этих обществ и в Ленинграде и в Москве, несмотря на интерес ведущих биологов России к зародившейся генетике, принялись, вслед за Марксом и Энгельсом, активно проповедовать постулаты ламаркизма и отвергать генетику, обвиняя ее в буржуазности и неверном отношении к дарвинизму. Их взгляды поддерживали руководители партии большевиков и многие ведущие советские марксисты (исключением из их числа был, возможно, Н. И. Бухарин, неоднократно говоривший о важности генетики). Видный марксист Д. Б. Рязанов в 1923 году в комментариях к книге Г. В. Плеханова «Основные вопросы марксизма» охарактеризовал генетику как буржуазное измышление. В следующем году мутационная теория была охарактеризована как противостоящая марксизму в центральном теоретическом журнале большевиков [4]. Чисто ламаркистские воззрения были отражены и в книге «Диалектика природы» Ф. Энгельса, изданной Д. Б. Рязановым впервые в СССР. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в том же году Е. С. Смирнов, Ю. М. Вермель и Б. С. Кузин в книге «Очерки по теории эволюции» восславили ламаркизм и ославили генетику.

Деятельная группа ламаркистов собралась в открытом в том же году при Коммунистической академии Институте изучения и пропаганды естественно-научных основ диалектического материализма имени К. А. Тимирязева. Директор института С. Г. Навашин в парадной речи при открытии института заявил, что хромосом как постоянно действующих морфологических структур с лежащими в них на строго определенных местах генами не существует и быть не может, а сотрудники биологической лаборатории института открыто встали на позиции ламаркизма. В качестве своей главной задачи они поставили повторение опытов австрийского зоолога Пауля Каммерера, доказывавшего экспериментально наследование приобретенных признаков. Им навстречу шло советское правительство. При участии наркома А. В. Луначарского Каммереру было направлено официальное приглашение переехать в СССР, возглавить эту лабораторию и продолжить в СССР свои «эпохальные» эксперименты (Луначарский позже написал даже пьесу «Саламандра», в которой восславил Каммерера). С самими экспериментами дело, впрочем, обстояло совсем плохо. Каммерер побывал в Англии и в США, подвергся серьезной критике (особенно решительно его критиковал один из отцов генетики У. Бэтсон), в его отсутствие весь его экспериментальный материал пропал, поэтому в СССР была отправлена лишь его обширная библиотека, и он объявил о переезде в Москву. В ожидании этого события сотрудники лаборатории издали дискуссионный сборник «Преформизм или эпигенез?», в котором основному ядру ламаркистских статей (Е. С. Смирнова и Н. Д. Леонова, Б. С. Кузина и других авторов) противостояла статья ученика и сотрудника Ю. А. Филипченко Феодосия Григорьевича Добржанского (вскоре он уехал сначала на двухгодичную стажировку в лабораторию Т. Моргана, а затем остался в США навсегда и стал крупнейшим генетиком и создателем синтетической теории эволюции).

Конечно, генетики пытались противопоставить свои взгляды напору ламаркистов и доказать, что генетика должна рассматриваться как наука, не противоречащая марксизму. С этой целью 12 января 1926 года в секции естественных наук Коммунистической академии выступил ученик Кольцова Александр Сергеевич Серебровский, который громко декларировал свою приверженность марксизму и подал заявление о желании вступить в большевистскую партию (он был принят в качестве кандидата в члены партии). Его доклад назывался «Теория наследственности Моргана и Менделя и марксисты». Докладчик звал советских биологов проявить «более или менее горячее и участливое отношение к генетике», хотя вынужден был отметить, что пока дела с признанием генетики большевиками идут неважно: «Между тем фактически получилась противоположная картина. В частности, со стороны московских марксистов <...> ее встретили враждебно и подвергли серьезному сомнению вопрос о том, насколько эта теория может быть согласована с марксизмом <...> противопоставляли ей, как антитезу, ламаркистскую точку зрения, как лучше удовлетворяющую идейным нуждам марксистов. <...> И перед нами встает неотлагаемо вопрос о том, каково же истинное положение вещей». Далее он признавал, что в адрес генетики большевики выставляют серьезные политические обвинения: «Указывается, что эта теория не диалектична <...> не материалистична <...> указывается на ее контрреволюционность». Автор доклада квалифицировал такое отношение как недоразумение и потратил много времени на обсуждение того, как важны приложения генетики к человеку, особенно для социалистического строительства. «Современная моргано-менделевская теория наследственности имеет все основания считаться выдающимся научным завоеванием и <...> упирается вплотную в повседневную деятельность государства в его частях и в целом и потому заслуживает самого внимательного и хладнокровного изучения и обсуждения с разных точек зрения». С другой точки зрения выступили директор института Навашин, сотрудники будущей каммереровской лаборатории Е. С. Смирнов, Б. С. Кузин, О. Б. Лепешинская и «биологи-марксисты» М. Л. Левин, С. Г. Левит, Г. А. Баткис и А. К. Тимирязев (физик, сын физиолога К. А. Тимирязева).

Одни из них заявили, что генетика — антиматериалистична и идеалистична, другие (утверждая, что они стоят исключительно на платформе марксизма-ленинизма) — что она противоречит правильно понимаемой марксистской идеологии.

Евгений Сергеевич Смирнов, Борис Сергеевич Кузин и Юлий Матвеевич Вермель, в отличие от большинства тех, кто занимался биологией на примитивном уровне и использовал политиканские приемы как главное орудие в своих пропагандистских целях, стремились быть профессионалами. Кузин и Вермель закончили МГУ в 1924 году по специальности «описательная зоология», и опубликованная ими совместно со Смирновым в том же году книга «Очерки по теории эволюции» (М., «Красная новь», 1924) [5], проникнутая идеями ламаркизма, была их первым крупным печатным изданием [6]. Они стали близкими знакомыми поэта О. Э. Мандельштама, и последний посвятил обоим свои стихотворения (Вермелю даже шесть стихотворений), а Кузин, несомненно, оказал большое влияние на творчество писателя [7]. Они передали свое восхищение Ламарком поэту, и не случайно в 1932 году Мандельштам в статье «К проблеме научного стиля Дарвина» и в главе «Вокруг натуралистов» в книге «Путешествие в Армению» обсуждал идеи Ламарка и его героическую жизнь, а затем написал свое знаменитое стихотворение «Ламарк», начинавшееся строками:

*Был старик, застенчивый как мальчик,
Неуклюжий, робкий патриарх...
Кто за честь природы фехтовальщик?
Ну конечно, пламенный Ламарк.*

*Если все живое лишь помарка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

Через полгода после январской конференции 1926 года в Москву приехал Каммерер, чтобы провести последние переговоры относительно своего переезда в СССР. В его присутствии 27 мая 1926 года Е. С. Смирнов сделал в Комакадемии доклад «Проблема наследственного влияния внешней среды и эволюция». По окончании доклада развернулась горячая дискуссия, в ходе которой генетики подробно разобрали причины ошибок ламаркистов. Последние, в свою очередь, стали обороняться, применяя политиканские аргументы вместо научных. В конце концов на трибуну поднялся С. С. Четвериков, который сказал, что научные ошибки ламаркистов — это вовсе не случайные и временные научные заблуждения, а нарочитая подмена науки идеологией, а это в принципе недостойно ученых. Ламаркисты с мест стали выкрикивать, что Четвериков — сын бежавшего из советской страны миллионера и не ему обсуждать вопросы политического противостояния, что его вражеское обличье и так всем очевидно. Не желая выслушивать оскорбления, Четвериков покинул трибуну и вышел из аудитории. Это было только началом открытых политиканских нападок на него.

Но в научном плане 1926 год был звездным для Сергея Сергеевича. Он нашел решение проблемы, разделявшей генетиков и эволюционистов в течение более четверти века, и выстроил мост между, казалось бы, навсегда расколотыми на противоположные стороны лагерями ученых. Он опубликовал большую статью «О некоторых моментах эволюционного процесса с точки зрения современной генетики», в которой показал, что каждый вид в природе по мере его «старения» накапливает все больше мутаций. Именно мутации создают основу для расхождения между популяциями, подвидами и, в конце концов, видами. Именно генетические изменения лежат в основе эволюционного процесса. Важнейшей частью его анализа было использование

математического аппарата, с помощью которого он показал, что главный аргумент против дарвинизма, касающийся недостаточности частот мутирования для объяснения темпов эволюционного прогресса, неверен. Нужно учитывать постепенное накопление в недрах вида достаточно большого числа рецессивных мутаций, до поры до времени невидимых из-за своей рецессивной природы, но в конце концов выходящих на передний план и ускоряющих эволюционный процесс. Выражение Четверикова «вид как губка насыщен рецессивными мутациями» было признано учеными.

Но научная слава рождает у людей с низкими моральными качествами зависть и толкает их на поступки подлые. Они пускаются во все тяжкие, чтобы подставить, оклеветать, опозорить конкурента. Не обошла стороной эта беда и Сергея Сергеевича. Летом 1926 года ученики и сотрудники Четверикова работали, собирая данные о правоте новой научной концепции их шефа, а осенью случилось несчастье: 23 сентября из Вены пришло известие, что Каммерер, доведенный до отчаяния обвинениями в научной нечистоплотности, покончил с собой, застрелился.

Дальнейшие события развернулись в Москве. В Коммунистическую академию была послана по почте открытка, в которой говорилось: «Поздравляю Коммунистическую академию со смертью Каммерера». Под этими словами стояло: «Четвериков». Хотя ни инициалов, ни адреса отправителя указано не было, руководство академии (а президентом в то время был О. Ю. Шмидт) и ректорат МГУ решили, что этим Четвериковым мог быть не кто иной, как профессор МГУ С. С. Четвериков. Началось разбирательство. Сергея Сергеевича стали вызывать на допросы в ГПУ. Из университета пришлось немедленно уйти. Но он оставался заведующим отделом генетики в Институте Н. К. Кольцова.

Кольцов поехал к Шмидту и попросил показать ему злополучную открытку. Увидев почерк на ней, Кольцов показал принесенные с собой письма и страницы рукописей, сделанные рукой Четверикова, и предложил Шмидту сличить почерки. Разница была столь очевидной, что Шмидт понял, какой смысл вкладывал тот, кто отправил фальшивку. Клевета выплыла наружу. По настоянию Шмидта и Кольцова редакторам газеты «Известия», в которой ранее появился некролог, посвященный Каммереру, с фразой, содержащей осуждение аморальности поступка С. С. Четверикова, пришлось вернуться к этому вопросу и напечатать, что скорее всего профессор МГУ С. С. Четвериков не имеет отношения к случившемуся. Казалось бы, он был реабилитирован в глазах общественности. Но в бумагах ГПУ следы этой истории и протоколы допросов остались и сыграли через два с половиной года роковую роль в судьбе великого русского ученого. Немаловажным было и то, что ему пришлось прекратить педагогическую работу в МГУ.

Три четверти века фамилия того, кто подстроил эту подлость, оставалась скрытой. Четвериков догадывался, кто был автором открытки, потому что Н. К. Кольцов — его начальник и друг и к тому же дальний родственник — открыл ему, что узнал в почерке составителя открытки руку своего другого ученика — А. С. Серебровского. Тот тоже преподавал в МГУ, но на более низких позициях и хотел занять место поважнее. Четвериков до старости молчал, но за год до смерти сказал мне о сведениях, полученных от Кольцова. И вот недавно оказалось, что я был не один, кому Четвериков открыл эту тайну. В статье писателя А. Л. Шварца я прочел: «Перед смертью Сергей Сергеевич назвал имя своего клеветника — это был профессор Московского университета Александр Сергеевич Серебровский. Мелкопоместный тульский дворянин и бывший меньшевик <...> сообразил, что надо как-то отличиться, заслужить прощение — и заодно убрал талантливую конкурента» [8].

Но Четвериков оставался еще на свободе и работал в Институте Кольцова. Поэтому вместе с учениками он принялся за экспериментальное доказательство своей теории «накопления мутаций в недрах вида». Ученики Четверикова Б. Л. Астауров, Е. И. Балкашина, Н.

К. Беляев и С. М. Гершензон на Звенигородской биологической станции, затем Балкашина, Гершензон, П. Ф. Рокицкий и Д. Д. Ромашов, выехавшие со специальной экспедицией в Геленджик на Черноморское побережье Кавказа, и Н. В. и Е. А. Тимофеевы-Ресовские, находившиеся в это время в научной командировке в Берлине, собрали большие коллекции дрозофил в природных условиях. У мушек, живших в разных географических условиях, ученые попытались определять, как много мутаций «запасено» в их геномах. Энтузиазм учеников Четверикова (и конечно, самого учителя) был огромным. Работая буквально дни и ночи, генетики пропустили через свои руки много поколений той большой коллекции, которую они собрали, и доказали, что действительно число рецессивных мутаций в геномах организмов, обитающих в природе, гораздо больше, чем ранее предполагали генетики.

С докладом, содержащим эти данные, Четвериков выступил летом 1927 года на V Международном генетическом конгрессе в Берлине. Брешь между генетикой и дарвинизмом исчезла.

Но далее случилось непредвиденное несчастье. В 1929 году Четвериков был арестован агентами ВЧК и помещен в Бутырскую тюрьму. Предлогом для ареста стала очередная подлая выходка кого-то из ближайших недоброжелателей. Теперь в «органы» поступил донос, что Четвериков под видом научных семинаров собирает у себя на дому подобных ему заговорщиков против советской власти и эти недобитки плетут интриги против режима. Такие недоказанные доносы уже приобретали силу. В ходе допросов снова всплыло старое обвинение в злорадстве Четверикова по случаю гибели честного Каммерера. Без всяких доказательств Четвериков был выслан из Москвы в удаленный и пока еще захолустный город Свердловск под контроль местных чекистов. Блистательная карьера выдающегося ученого была сломана, а Россия навсегда потеряла приоритет в важнейшем направлении исследований. Работа Четверикова была переведена на английский только в 1961 году и опубликована в «Трудах Американского философского общества» (т. 105, № 2, стр. 167—195).

В 1930 и 1931 годах англичанин Р. Фишер и американец С. Райт опубликовали статьи на ту же тему и практически с теми же выводами, но без ссылок на Четверикова, и за ними закрепилась слава первооткрывателей популяционной генетики, а имя Четверикова осталось известным только немногим специалистам.

Памятник-надгробие на могиле С. С. Четверикова

После смерти С. С. Четверикова я решил собрать деньги на установку памятника на могиле Сергея Сергеевича. Летом 1960 года во время приезда в Горький на каникулы я поделился этой идеей с Петром Андреевичем Суворовым, и он тут же перевел разговор из отвлеченно-теоретической плоскости в практическое русло. Он сел за пишущую машинку и напечатал заглавие на пустой пока странице «Реестр средств, собранных на надгробие С. С. Четверикову». Затем он попросил меня записать его первым в этом реестре, указать его должность «доцент ГГУ» и проставить внесенную им сумму — 600 рублей. Его ежемесячная зарплата тогда составляла вдвое меньшую сумму.

Я подготовил несколько копий подписных листов и разослал их по нескольким городам с просьбой начать собирать средства на памятник, причем мы договорились с Петром Андреевичем, что все деньги будут аккумулироваться на его сберкнижке в Горьком.

Насколько я помню, второй подписалась коллега Суворова по университету А. Д. Смирнова, затем доцент В. И. Козлов и еще несколько человек из ГГУ. Много позже к ним присоединился бывший аспирант Четверикова А. Ф. Шереметьев. А вот несколько заведующих кафедрами биофака ГГУ, даже те, кто позже пытался «заработать авторитет», публикуя книжки об их великом коллеге, остались в стороне от сбора средств.

В Москве при первом же моем упоминаний о сборе пожертвований на памятник Н. П. Дубинин и Б. Л. Астауров внесли по 600 рублей, и в короткий срок (к январю 1963 года) на счету П. А. Суворова собралось около 3 тысяч рублей, которые позволяли начать поиск скульптора и архитектора для создания проекта надгробия.

Включились в сбор средств и новосибирские генетики. Вера Вениаминовна Хвостова прислала мне записку такого содержания:

Дорогой Лера!

У нас в Ин-те собрали (или собирают) деньги на памятник С. С. Четверикову и не знают, куда и кому их послать. Кроме того, к<ак> б<удто> нужно собрать какую-то недостающую сумму? Пожалуйста, напишите об этом в Новосибирск! Адрес: Новосибирск-90, Институт цитологии и генетики, Зое Софроньевне Никоро. Не забудьте написать.

С приветом

В. Хвостова.

Как только ситуация со сбором средств продвинулась, встал вопрос о поиске скульптора, который бы выполнил проект памятника-надгробия. Насколько я помню, одна из доцентов кафедры ботаники (или Вера Ивановна Есырева, или Александра Дмитриевна Смирнова) сказали мне, что в Горький переезжает талантливый скульптор Людмила Федоровна Кулакова, которая когда-то в прошлом была аспиранткой Сергея Сергеевича, а потом полностью ушла от генетики в художественное творчество. В очередной приезд в Горький я разыскал ее и договорился о встрече. Услышав о моем предложении, Кулакова обрадовалась. Хотя в прошлом она жила в Горьком, но потеряла прописку и теперь искала любые законные возможности для возвращения сюда и восстановления пресловутой «прописки». Важнейшим для этого основанием была бы официальная работа по заказам любого учреждения, весомого в глазах местной администрации. Однако до той поры руководители Горьковского университета были все еще настроены отрицательно по отношению к памяти Четверикова и нисколько своей неприязни к нему не скрывали. Но в тот момент я познакомился с председателем горисполкома Горького и обратился к нему с вопросом, может ли сам факт заключения договора со скульптором о создании надгробия на могиле Четверикова способствовать прописке Кулаковой в городе, и услышал доброжелательный ответ. Мне было сказано, что Кулакова не обязательно должна заключать договор с Горьковским университетом, а что будет даже более весомо, если какая-то имеющая вес в стране организация, базирующаяся в столице, заключит с ней соглашение. Тогда и прописку скульптору предоставят в Горьком охотнее.

После этого Кулакова подготовила проект надгробия и план расположения могилы Четверикова на Бугровском кладбище. Она определила стоимость всей работы в 2500 рублей. Собранных средств, по ее расчетам, вполне хватало и на проект, и на его изготовление из гранита и установку на могиле. Суворов оплатил работы по проектированию обелиска над могилой Сергея Сергеевича и гонорар за выполнение барельефа для него. Кулакова начала работу.

Я вернулся в Москву, а там в это время началась работа по учреждению Всесоюзного общества генетиков и селекционеров (ВОГиС). Огромную роль в его создании играли Владимир Владимирович Сахаров и Борис Николаевич Сидоров. Я переговорил с обоими и не только не услышал возражений, а даже и тени сомнений в желательности работы Кулаковой не было заметно. Теперь надо было ждать, когда общество будет образовано и утверждено официально.

На собрании секции генетики Московского общества испытателей природы весной 1966 года было принято обращение к Президиуму АН СССР об учреждении в составе академии такого общества и был рассмотрен состав делегации московских генетиков. Меня также избрали

в их числе делегатом Учредительного съезда от Москвы. Президиум АН СССР утвердил решение о желательности создании общества, и летом 1966 года в актовом зале Главного ботанического сада АН СССР съезд начал свою работу.

В последний день его работы без всякого одобрения или даже уведомления начальства на трибуну поднялся ленинградский генетик Даниил Владимирович Лебедев и ошарашил президиум и всех присутствующих предложением проголосовать за присвоение обществу имени Н. И. Вавилова. С. И. Алиханян из президиума попытался прогнать Лебедева с трибуны, но Лебедеву было не привыкать идти наперекор крикам начальства. Он не только сделал вид, что не услышал вопля Алиханяна, а сам предложил делегатам проголосовать немедленно за его предложение. Делегаты съезда в едином порыве взметнули руки вверх, и дело было сделано при почти единогласном одобрении делегатов съезда. Алиханян безуспешно пытался отменить результаты голосования, уверяя, что такие действия надо сначала согласовывать с академическим руководством, но никто ему уже не внимал, в зале царил воодушевление.

Президентом Общества был избран академик Б. Л. Астауров. Мы договорились с ним, что пригласим позже Кулакову приехать в Москву с проектом памятника, Астауров утвердил комиссию по рассмотрению проекта в составе академиков Н. П. Дубинина и Б. Л. Астаурова, меня и брата Четверикова Николая Сергеевича.

План размещения памятника на кладбище, создания бетонной основы, гранитной ограды вокруг могилы и выполнения самого памятника в граните требовал, как вскоре это стало ясно, гораздо больше денег, чем нам удалось собрать. Мы оплатили из собранных средств гонорар Кулаковой, изготовление и доставку на кладбище двух гранитных плит и работы по цементированию основания для памятника и плит.

Чтобы обеспечить изготовление в камне будущего барельефа, над которым трудилась Кулакова, Астауров согласился выделить из бюджета Всесоюзного общества генетиков и селекционеров около тысячи рублей, но надо было искать еще какие-то немалые средства. Я решил обратиться к министру высшего и специального образования РСФСР Всеволоду Николаевичу Столетову за помощью. В прошлом он был ближайшим соратником Т. Д. Лысенко, но постепенно уходил из-под его влияния и старательно показывал, что симпатизирует генетикам. Ему удалось возглавить кафедру генетики и селекции биофака МГУ, под его редакцией вышел один из переводов на русский язык иностранного руководства по генетике, поэтому я подумал, что обращение к Столетову может оказаться успешным. Меня поддержала в этом начинании Вера Вениаминовна Хвостова, с которой мы встретились во время одного из ее приездов в Москву, и я собрался с духом и отправился в приемную Столетова на Ленинском проспекте.

Секретарь Столетова, Нина Ильинична, спросила, по какому вопросу я хочу побеспокоить министра, без всякого с ее стороны недовольства написала на бумажке мою фамилию, зашла в его кабинет и, вскоре вернувшись в приемную, открыла дверь кабинета министра со словами: «Всеволод Николаевич ждет вас».

Без всяких отговорок и препинаний министр распорядился выделить Горьковскому университету тысячу рублей на возведение памятника Четверикову. В Горький ушло подписанное им 24 августа 1966 года распоряжение на этот счет за номером У-1-100, и с той поры отношение к Четверикову в ректорате ГГУ начало меняться (во всяком случае, открыто никто не решался воспротивиться идее увековечивания памяти опального профессора их университета), хотя на кафедре дарвинизма и генетики, где по-прежнему главенствовал ярый лысенковец А. Н. Мельниченко, имя Сергея Сергеевича оставалось долгое время под запретом [9].

Вскоре Кулакова сообщила мне, что она завершила проект. С фотографиями будущего надгробия она приехала в сентябре 1967 года в Москву, показала его Дубинину и Астаурову (из-

за взаимного неуважения собраться вместе они не смогли, поэтому показ был отдельным для обоих академиков), затем в Институт общей генетики приехал из Горького брат генетика Николай Сергеевич Четвериков, который также остался доволен проектом. Мы договорились, что Кулакова продолжит следить за изготовлением памятника, Астауров согласился выплатить ей дополнительно за эту работу из средств ВОГиСа, какую-то сумму выплатил ректорат Горьковского университета (всего она получала дополнительно еще тысячу рублей), я подготовил договор обо всех деталях последующей работы, мы подписали его и, взаимно довольные, разошлись.

Памятник было решено заказать Мытищинскому заводу художественного литья Художественного фонда РСФСР. Кулакова съездила туда, выяснила, что черного гранита, который она планировала использовать для того, чтобы выбить на нем барельеф по сделанному эскизу, нет и не будет. Оставалась неуверенность даже и в отношении того, можно ли было надеяться получить с завода плиту большого размера из серого гранита, на которой можно было бы укрепить барельеф, отлитый из чугуна. Наконец ей удалось уговорить руководство завода изготовить камень из серого яйцевского гранита размером 260½180½50 см.

Людмила Федоровна написала мне, что нужно срочно отправить заказ в Мытищи и оплатить его до 15 декабря, потому что пока еще у них работы немного, а после этого срока могут поступить важные государственные заказы и нас могут отставить в сторону (о своем согласии на то, чтобы камень был серым, а барельеф чугунным, мне написал 10 декабря 1967 года из Горького и Николай Сергеевич Четвериков). Соответствующий запрос на завод с указанием номера расчетного счета, с которого будет оплачена работа, я отправил в начале ноября 1967 года.

Но власти придирчиво следили за любыми монументальными работами, и, в соответствии с установленными порядками, просто заказать барельеф было невозможно. Нужно было получить одобрение худсовета Художественного фонда РСФСР, выполнив до этого ряд формальностей. Оказалось, что они далеко не просты.

Подготовленный Людмилой Федоровной карандашный набросок барельефа рассмотрел член Союза художников СССР Гусев и 19 ноября 1967 года поставил на нем свою подпись, что согласен с художественным решением надгробия. После этого я представил проект Кулаковой в Моспроект-2 архитектору Анатолию Вольфовичу Маргулису, он сам принять решение не мог, и от него меня перенаправили к одному из двух руководителей Художественного фонда РСФСР Иулиану Митрофановичу Рукавишникову. Вместе с другим руководителем фонда Кибальниковым они сообщили, что готовы принять к рассмотрению проект Кулаковой, но требуются официальные обращения к ним от какой-либо организации, отзывы ближайших родственников о совпадении образа Четверикова на барельефе и истинного образа ученого, заключения ученых, решение Горьковского отделения Художественного фонда и тому подобное.

Потянулась непростая череда запросов на различные одобрения и разрешения: 21 апреля 1968 года одобрение барельефа работы скульптора Л. Ф. Кулаковой было подписано академиками Астауровым и Дубининым, 23 апреля его же одобрили представители парткома Горьковского университета, а также доценты В. И. Козлов, Н. И. Кузнецов, В. А. Гусева, Н. М. Артемов и Анисимов и студенты Назарова, Жмайло, Золотницкий и Корбман, 2 мая аналогичное одобрение подписал Н. С. Четвериков. Затем 2 июня доцент ГГУ П. А. Суворов и доцент Горьковского мединститута Т. Е. Калинина подписали акт о приемке от Кулаковой выполненной работы в гипсе и выплате ей 35% запланированного гонорара в размере 350 рублей. Горьковское отделение Художественного фонда РСФСР 10 июня выдало выписку из протокола его правления, что рельеф, выполненный в глине размером 115½92 см, принят и одобрен. Только после этого в соответствии с письмом Кулаковой от 19 июля 1968 года,

присланным мне в Москву, ей были выплачены последние 400 рублей гонорара, а из Института общей генетики АН СССР ушло письмо на Мытищинский завод с просьбой «отлить рельеф в чугуне для установки его на кладбище в г. Горьком».

Через несколько месяцев Кулакова позвонила мне из Горького и сказала, что барельеф отлили и он должен быть перевезен на днях на кладбище. По ее словам, А. Ф. Шереметьев следит за тем, когда на кладбище привезут подходящую по размеру глыбу гранита, заказанную Мытищинским заводом в Карелии, и барельеф из Подмосковья. Все казалось разумным, но потом вдруг обернулось невероятно плохо.

Гранитная глыба почему-то не была доставлена, и за этим никто не проследил. Барельеф на кладбище доставили, но кладбищенских начальников никто о его прибытии не предупредил, его сгрузили рядом с конторой директора кладбища, а когда через несколько дней Кулакова приехала туда, то его уже и след простыл. Оказалось, что кто-то (разумеется, не без ведома начальства) сдал барельеф на переплавку, чтобы на вырученные деньги купить выпивки «на всех». От работы Кулаковой сохранилась лишь фотография созданного ею барельефа и план всего надгробия на могиле С. С. Четверикова [10].

Нужно было начинать работу над оформлением памятника-надгробия заново. Но теперь возникла новая проблема: где изыскать немалые деньги для этого. Я снова решил обратиться к министру Столетову. На этот раз он попросил точно выяснить, какие деньги необходимо потратить на всю работу, подготовить смету расходов, написать на его имя соответствующую просьбу, приложить реестр предполагаемых трат и прийти к нему со всеми выкладками. Я позвонил в Горький Кулаковой, попросил ее снабдить меня всеми цифрами, чтобы можно было подготовить запрос в министерство.

Понадобилось несколько раз посещать Столетова, чтобы обсудить детали проекта и его финансирования, прежде чем деньги (на этот раз около 10 тысяч рублей) были переведены на счет Горьковского университета. Один раз мы пришли к Столетову вместе с секретарем парткома ГГУ доцентом Михаилом Юрьевичем Ульяновым, который старался активно поддержать усилия по установке памятника на могиле Четверикова.

Я предложил провести в Горьком всесоюзную конференцию памяти С. С. Четверикова, приуроченную к моменту окончания установки памятника на могиле ученого, и Ульянов попытался пригласить министра в Горький для участия в такой конференции.

— Нет, — решительно отказался Столетов, — принять ваше предложение не могу по простой причине. Непременно кто-то из зала задаст мне вопрос о том, как я — активный помощник Лысенко в момент проведения августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года — могу объяснить свое участие в вашей конференции. И что я должен буду ответить? И как будет выглядеть в подобной ситуации министр республиканского правительства? Нет уж, увольте. Деньги я дам, но этим мое личное участие ограничится.

В один из моих приходов к Столетову его секретарь, как только я вошел в приемную, сказала:

— Хорошо, что вы сейчас зашли. Сегодня у Всеволода Николаевича очень напряженный график, а сейчас у него на приеме еще один генетик — Тимофеев-Ресовский. Я думаю, что Всеволод Николаевич будет рад видеть вас обоих, так что заходите прямо к нему в кабинет.

Я зашел. Столетов действительно заулыбался, мы поздоровались, и я сел, ожидая окончания беседы Тимофеева с министром. Они говорили еще, наверное, минут пятнадцать, и я был поражен тем, в каком тоне выражался обычно напористо-нападающий Н. В. Тимофеев-Ресовский. В беседе со Столетовым и малейшего следа его напористости не осталось. Он совершенно преобразился, старался предстать перед очами министра ласковым и даже заискивающим. Никогда ни до, ни после этой встречи я не видел Николая Владимировича

таким подобострастным. Видимо, один вид начальства влиял на него глубоко специфически. А ведь ирония судьбы заключалась в том, что министр многие годы был не просто ближайшим доверенным Лысенко, а главным связующим звеном с крупными чинами в Политбюро и Центральном комитете партии коммунистов в момент запрета генетики.

Средства на памятник были министром выделены и переведены на счет ГГУ. Теперь Кулакова вновь приступила к созданию барельефа, гораздо более скромного в размерах.

Тем временем в Горьком Суворов и Шереметьев добились того, чтобы прах Четверикова перенесли из дальнего конца Бугровского кладбища в центральную его часть, в аллею, где уже находились могилы нескольких университетских профессоров. Тогдашний студент кафедры дарвинизма Игорь Федорович Жимулев принял участие вместе с несколькими другими студентами в переносе гроба с прахом Четверикова на новое место.

Новое надгробие было на этот раз установлено без излишних проблем. Ведь теперь на него тратили средства, собранные не частными лицами (да еще без одобрения властительных чинуш), а выделенные из государственного кармана.

В 1973 году руководство ВОГиС и Совета по генетике и селекции АН СССР решило провести в Горьком Четвериковские чтения, приуроченные к моменту окончания возведения надгробия. Президент ВОГиС Астауров был прямым учеником Сергея Сергеевича, а председатель Совета Д. К. Беляев имел хоть и не прямое, но очень близкое отношение к Четверикову: его родной брат Николай Константинович был непосредственным учеником Четверикова. После ареста и высылки учителя на Урал Н. К. Беляев был вынужден, так же как и Астауров, оставить Москву и перебраться в Ташкент. Там они организовали генетический центр по изучению биологии шелкопряда. В этих исследованиях стал участвовать и будущий академик РАН В. А. Струнников. Николая Константиновича Беляева арестовали в 1937 году по обвинению в антисоветской деятельности и расстреляли.

Б. Л. Астауров приехал на конференцию в Горький и выступил 14 мая 1973 года с безэмоциональным, но фактологически строгим докладом о научных достижениях своего учителя. По-моему, нотки осуждения лысенкоизма, поддержанного Сталиным, прозвучали только в моем докладе на этой конференции на следующий день. Борис Львович перед началом заседания, на котором я должен был говорить, очень деликатно справился у меня, буду ли я «беречь старые раны», и, от греха подальше, благоразумно не явился на это заседание, сославшись на встречу с ректором университета.

Но на открытии памятника на могиле Четверикова 15 мая он выступил с речью, в которой упомянул о том, что надгробие, представшее перед собравшимися, когда с него сбросили покрывало, было возведено в значительной степени на средства от пожертвований, собранных мной. Возможно, он и не знал о печальной судьбе первоначальной работы Л. Ф. Кулаковой.

Подготовка издания трудов С. С. Четверикова

Сразу после смерти Четверикова в 1959 году я стал думать о том, что надо собрать все разрозненные публикации Сергея Сергеевича и издать их в виде Полного собрания сочинений.

Подавляющее большинство печатных работ Четверикова было представлено в виде статей. В 1958 году Сергей Сергеевич попросил брата найти в бумагах подготовленный им еще во время, когда он был зрячим, список всех своих публикаций и передать его мне. Таким образом я увидел все источники, в которых мне предстояло искать работы Четверикова, и я принялся методично разыскивать старые публикации и делать копии этих статей. В те годы копировальных машин, того, что в СССР называли собирательным термином ксероксы, в свободном доступе еще не существовало, и мне предстояло в основном заниматься

фотографированием статей и их перепечаткой. Часть работ Четвериков подарил мне в виде оригинальных оттисков. В частности, он подарил мне оттиск его дипломной работы о водяном ослике, изданной по поручению его учителя, М. А. Мензбира, на немецком языке. Эту большую статью помогли перевести на русский супруги Никоро (Зоя Софроньевна Никоро в 1930 — 1940-е годы работала вместе с Четвериковым на кафедре в Горьковском университете, а в 1970-е годы была сотрудницей Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН СССР в Академгородке).

Я продолжал пополнять свой архив четвериковских публикаций до середины 1960-х годов, когда, как мне казалось, я подготовил исчерпывающий набор его работ. В 1966 году я опубликовал первую, как мне кажется, статью с рассказом о С. С. Четверикове в журнале «Знание — сила», а затем передал в Институт истории естествознания и техники фотокопию выступления Четверикова на семинаре в Горьковском университете в 1947 году о роли инбридинга в исследовании темпов эволюции видов. К этому выступлению, содержавшему детальные математические выкладки, у Четверикова в его архиве была приложена тетрадь с этими выкладками, причем своей рукой Сергей Сергеевич сделал в правом верхнем углу страницы приписку: «Доклад, который никогда не будет прочитан, работа, которая никогда не будет напечатана».

Когда составители сборника «Из истории биологии» воспроизвели этот текст Четверикова и дали название моей заметке, предварявшей публикацию, «Неизвестная работа С. С. Четверикова по эволюции» (я никакого названия своей заметке не давал), брат Четверикова, Николай Сергеевич, остался недоволен. Он посчитал, что печатать записи предварительных выкладок к любым докладам нельзя (с чем, разумеется, никто из серьезных историков не согласится, ведь приготовительные записи к докладам иногда яснее ясного доказывают, в каком направлении работала мысль докладчиков). Его поддержал академик Б. Л. Астауров. Он написал длинное письмо директору Института истории естествознания и техники академику Б. М. Кедрову. Речь в нем шла о подготовленной им с соавторами статьи о Н. К. Кольцове, а затем переходила к оценке правомочности публикации, как было сказано, «черновики» Четверикова и к названию меня в анонсе следующего сборника «учеником С. С. Четверикова».

Астауров при этом писал обо мне вполне благожелательно:

В. Н. Сойфер стремился, по-видимому, вполне искренне способствовать увековечиванию памяти о С. С. Четверикове (в популярных статьях и путем участия в сборе средств на памятник и т. п.). Это все следует поставить ему в заслугу... —

а затем достаточно резко писал как о том, что учеником С. С. Четверикова я, по его мнению, не был, так и о том, что публикация «черновики» должна рассматриваться как шаг нежелательный.

Копию этого письма Кедрову Астауров прислал мне, сопроводив его такой запиской на бланке Президента ВОГиС:

Москва, 2 января 1972

Дорогой Валерий Николаевич,

К большому своему сожалению, я должен был послать акад. Б. М. Кедрову вложенное здесь в копии письмо, которое касается и Вас.

Вы можете мне поверить, что удовольствия это мне не доставило, но поступить иначе я не мог. Письмо это послано по согласованию с Н. С. Четвериковым, считающим необходимым это сделать.

Его знают еще несколько имеющих непосредственное отношение к С. С. Четверикову и изданию сборника «Из истории биологии» лиц. Но широкой огласки я ему не придаю.

Б. Астауров.

В ответ на это письмо 11 февраля 1972 года Астаурову был отправлен ответ из Института истории естествознания и техники:

Глубокоуважаемый Борис Львович,
Доводим до Вашего сведения, что при составлении плана-проспекта предполагаемого сборника по истории развития основных проблем генетики по нашей вине была допущена досадная оплошность, заключающаяся в том, что, указывая В. Н. Сойфера как одного из намечаемых авторов этого сборника, мы назвали его «учеником С. С. Четверикова».

К сожалению, эта фраза ошибочна, и ответственность за нее ложится целиком на нас.

Заверяем Вас, что В. Н. Сойфер не имел к составлению этого плана никакого отношения.

Составитель сборника
кандидат биологических наук Л.В.Чеснова.

Позже у Бориса Львовича возникло также раздражение в связи с тем, что он обнаружил в «Арифметике наследственности» (или, скорее, как я думаю, ему наклеял эпитет его референт А. О. Гайсинович) слова о том, что Н. П. Дубинин — ученик Четверикова. Фразу о том, что Н. П. Дубинин был таким же учеником Четверикова, каким был и Борис Львович, я написал со слов самого Сергея Сергеевича. Однако всю жизнь Дубинин и Астауров испытывали друг к другу взаимную неприязнь (инициатором неприязни, как я позже понял, был Дубинин), и теперь Астауров стал утверждать, что Дубинин никогда учеником его учителя не был. Желая удержать меня от того, чтобы я давал любые ссылки на Дубинина как ученика Четверикова, Астауров стал писать мне длинные письма. В ответе на одно из таких писем я оборонялся следующим образом:

В автобиографии Четверикова, хранящейся в деле Четверикова в Горьковском государственном университете, он называет Дубинина своим первым учеником. Он пишет (29.1.1945): «В эти годы (с 1921 года) я стал работать по генетике в Институте экспериментальной биологии, где вместе со своими талантливыми учениками (Н. П. Дубининым, Б. Л. Астауровым, Н. К. Беляевым, С. М. Гершензоном и др.), из которых большинство является теперь докторами биологических наук и крупными советскими учеными, начал разработку основных процессов видообразования». И далее: «Начатое дело не заглохло. Мои ученики (особенно Н. П. Дубинин, Д. Д. Ромашов, С. М. Гершензон) талантливо продолжают разработку начатой мною проблематики...»

Свидетельством того, как высоко С. С. ценил Дубинина как своего ученика, служит то, что он горячо поддержал его выдвижение в члены-корреспонденты АН СССР в 1946 г., а после того, как ослеп, передал ему свою библиотеку.

Постоянно в беседах со мной С. С. называл Дубинина своим прямым учеником.

(Из письма Астаурову от 8 апреля 1972 г.)

Сейчас, когда опубликованы многие письма Сергея Сергеевича к разным людям в томе 28 «Научного наследия», стало совершенно определенно, что на протяжении многих лет Четвериков не только мне называл постоянно Дубинина в числе своих питомцев. Когда Астаурова выбрали в члены-корреспонденты АН СССР, Сергей Сергеевич в двух письмах с гордостью писал, что вот раньше у него был один ученик, ставший членом Академии наук СССР, — Дубинин, а теперь их два.

В одном из писем ко мне Астауров сообщил, что договорился с директором Архива АН СССР Левшиным, что архив примет от меня все четвериковские материалы, которые были в моем распоряжении. В этом стремлении его поддержал и Николай Сергеевич Четвериков.

Желание их обоих я не собирался игнорировать и передал в Архив АН СССР 18 мая 1972 года всю ту часть четвериковских материалов, которые он мне в свое время дал на сохранение, оставив себе только подаренные мне С. С. Четвериковым и подписанные им работы и письма ко мне. Передал я в архив и машинописные копии тех трех работ, которые Четвериков продиктовал мне, оставив у себя оригиналы.

Внутренне с этим требованием Астаурова сосредоточить четвериковские документы в Архиве АН СССР я был не согласен, о чем написал ему в ответе на его письмо (я напомнил, что Четвериков не раз говорил мне, что он не хотел бы, чтобы его архив попал в любое государственное хранилище, куда допуск для независимых исследователей закрыт государством).

Вместе с тем хочу подчеркнуть особо, что обмен письмами с Астауровым вовсе не означал, что между нами установились антагонистические отношения, нельзя даже сказать, что проскакивали искры взаимного отталкивания. Мое исключительно благоговейное отношение к академику Астаурову сам академик отлично знал, и, когда мы с ним встречались (иногда он даже приглашал меня к себе домой), я чувствовал, что он ко мне относится вполне хорошо. Просто он был человеком очень внутренне напряженным, готовым без раздумья бросаться в бой за свои убеждения, и в случаях, задевавших его за живое, он реагировал непосредственно и с максимальной экспрессией, вполне осознанно понимая, что его письменные обращения близкие ему люди игнорировать не будут.

Вместе с тем в те годы я продолжал готовить к печати Собрание сочинений Четверикова. В 1977 году у меня скопилось материалов на два тома, но в тот момент меня всюю притесняли на службе. Становилось ясно, что вот-вот меня лишат работы, и я решил, что нужно искать какой-то способ издать собранные мной материалы.

В тот момент правом направления в печать в издательстве Академии наук СССР обладали научные советы академии, и председателем Совета по проблемам генетики и селекции АН СССР был академик Д. К. Беляев, с которым у нас сохранялись хорошие отношения, несмотря на все мои злоключения.

В начале июня 1979 года Дмитрий Константинович приехал из Новосибирска в Москву, позвонил мне домой, и я объяснил ему, что хочу просить об издании подготовленных к печати трудов Четверикова. Беляев без всяких колебаний согласился это сделать, я быстро напечатал на машинке обращение на его имя и отправился с ним на встречу в гостиницу «Академическая». Письмо было следующим:

Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович!

В течение ряда лет я по личной инициативе подготавливал к опубликованию труды С. С. Четверикова. Полностью подготовленный для печати материал представляет собой 850 стр. машинописного текста <...> и 205 стр. рукописных материалов (лекции, доклады, разработки проблем инбридинга и др.). Кроме того, имеются воспоминания о С. С. Четверикове проф. И. И. Пузанова на 15 стр.

Все оригиналы указанных материалов были переданы мною в 1972 году в Архив АН СССР; в их число входили оттиски статей, рукописи, письма к различным лицам, а также большое число фотографий.

В силу сложившихся обстоятельств я вынужден прекратить дальнейшую работу по подготовке трудов С. С. Четверикова к печати и обращаюсь в Научный совет по генетике и селекции с предложением принять от меня указанные материалы общим объемом 1065 стр. В связи с этим прошу Вас указать конкретное лицо, которое было бы ответственным

за эту работу. Со своей стороны я хотел бы предложить кандидатуру старшего научного сотрудника Вашего института З. С. Никоро.

С уважением В. Н. Сойфер.

8 июня 1979 г.

Когда я приехал, Дмитрий Константинович прочитал мое письмо и начертал на нем следующую резолюцию:

Опубликование трудов С. С. Четверикова чрезвычайно важно и необходимо. Ответственным за эту работу надо назначить З. С. Никоро и утвердить ее в этом качестве на бюро Совета.

Д. Беляев

8.6.79.

Эта резолюция открывала доступ к изданию трудов Четверикова в Сибирском отделении издательства «Наука». Беляев согласился с моим предложением передать без замедления все подготовленные материалы Зое Софроньевне, которую он обещал прислать вскоре ко мне домой, чтобы она забрала их. Никоро действительно через неделю прилетела в Москву, увезла в Новосибирск все 1065 страниц подготовленной к печати книги и многие фотографии из архива Четверикова, однако дело с изданием затянулось на несколько лет.

Сама Зоя Софроньевна была человеком преклонных лет, и она пригласила участвовать в подготовке издания более молодого сотрудника их института М. Б. Голубовского, но, по-видимому, какие-то иные силы вмешались в дело издания двухтомника, который так никогда и не увидел свет. Вместо этого были опубликованы две небольшие книги под разными названиями в 1983 и 1984 годах.

Поразительно, что составители исключили достаточно важные работы Четверикова. Так, отсутствовали тексты изданной им в 1919 году брошюры «Краткое наставление к собиранию насекомых» и опубликованной в 1925 году в соавторстве с Н. А. Бобринским стостраничной книги «Сбор и приготовление зоологических коллекций», его брошюры 1936 года «Цитология наследственности за последние десять лет». Свет увидели только четыре четвериковские рукописи и заметки, а, например, исключительно важная «Программа практических занятий по ГЕНЕТИКЕ», доказывавшая, что еще в 1920-х годах Четвериков начал преподавать генетику в Московском университете и был основателем этого направления в МГУ, была выброшена из сборника. Столь же огорчительным было исключение подготовленных Четвериковым в 1919 и 1929 годах «Программы практических занятий по систематике позвоночных» для студентов-биологов всех семестров и «Программы курса «Общая энтомология» и практических занятий к нему». Эти работы не нашли места ни в первой, ни во второй изданной книге. Не сочли нужным напечатать и его обширную «Объяснительную записку к проекту организации зоологического отдела музея местного края», датированную 26 апреля 1920 года, равно как и большую рукопись «Бабочки Горьковской области». Был исключен полностью раздел «Письма С. С. Четверикова».

Голубовский и привлеченный им к участию в книге молодой, но становившийся влиятельным сотрудник Института истории и естествознания и техники АН СССР В. В. Бабков предпослали первой из книжек предисловие (написанное М. Б. Голубовским) и длинное, на 35 страницах текста, заумное и довольно надменное введение (принадлежавшее перу В. В. Бабкова). В предисловии Голубовский сообщил о моей роли в подготовке к печати трудов Сергея Сергеевича следующее:

Восполнить пробел в научной и жизненной биографии С. С. Четверикова помогут впервые печатающиеся его воспоминания, записанные с его слов благодаря энтузиазму В. Н. Сойфера.

В. П. Эфроимсон, а также В. В. Бабков и В. Н. Сойфер оказали неоценимую помощь в подготовке настоящего издания, разыскав, собрав и репродуцировав многие труднодоступные статьи и материалы из научного наследия С. С. Четверикова.

Голубовский, конечно, отлично знал, что никакого отношения к многолетнему сбору работ Четверикова ни Владимир Павлович Эфроимсон, ни тем более Бабков не имели, но, видимо, и признавать в те годы мою роль по политическим мотивам ему было нельзя или не хотелось. Более странным выглядело то, что редакция снабдила публикацию таким примечанием на первой странице: «Воспоминания» написаны С. С. Четвериковым в 1958 г., за год до смерти. Рукопись хранится в Архиве АН СССР», что было абсолютной неправдой (в журнале «Природа» в 1974 году В. В. Бабков заявил это от своего собственного имени, когда он приписал себе и находку в архиве этих воспоминаний, представив свою публикацию как результат личного научного поиска). На самом деле Четвериков в силу слепоты не мог «написать» эту работу, а диктовал ее мне, и рукописи продиктованного с момента появления их на свет находились у меня вместе с оригиналом моих записей примечаний к работе 1926 года, все три оригинала находятся до сих пор в моем личном архиве, и я планирую в будущем передать их на постоянное хранение в Бахметевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Как академик А. М. Прохоров восстановил историческую правду в статьях в Большой советской энциклопедии

В период работы в Институте общей генетики АН СССР в 1966 — 1970 годах я был привлечен к подготовке статей генетического цикла для 3-го издания Большой советской энциклопедии. Во многих написанных мной статьях первым автором был поставлен академик Николай Петрович Дубинин (он был директором этого института), а я был указан вторым автором. В конце 1970 года я перешел со своей группой из этого института в Академию сельскохозяйственных наук, где планировали создать на базе моей лаборатории Институт молекулярной биологии и генетики, что и произошло в 1974 году.

В начале 1971 года, перед выходом в свет моих статей для 3-го издания БСЭ, я получил на подпись последние варианты версток. В тех статьях, где первым соавтором был поставлен Н. П. Дубинин («Ген», «Генетический код», «Генетико-автоматические процессы» и «Геном»), я увидел значительную правку. Все эти материалы уже были просмотрены академиком и подписаны. В каждую из статей он внес тенденциозные исправления. Он, видимо, думал, что статьи мне даже не покажут и что именно в таком виде они увидят свет в новом издании самого авторитетного справочного руководства в стране. Публикацией этих статей как бы автоматически была бы подведена черта под любыми спорами об авторстве, приоритете Дубинина и его роли в развитии генетики. Спорить с энциклопедией не просто не принято, это даже как-то и некультурно.

А внесенные им исправления были специфическими. Дубинин во все статьи вставил строки о том, что именно он, а не он с соавторами, открыл то или иное явление, он изменил даты публикаций разных авторов по тем или иным темам, придав своим публикациям первородство в тех случаях, где он первым не был. Даже первоначальные идеи о генетико-автоматических процессах, высказанные его учителем С. С. Четвериковым, а затем развитые учеником Четверикова Д. Д. Ромашовым, были фальсифицированы, и дата открытия была приведена более поздняя. Я знал от самого Ромашова, что он сначала сделал доклад на семинаре Дубинина, когда последний впервые услышал о разработках Ромашова, но еще до выступления на том злополучном семинаре Ромашов написал статью о своем вкладе в проблему, причем

рукописный оригинал статьи Дмитрий Дмитриевич передал мне в 1950-е годы, и я храню его до сих пор в моем архиве. Та же участь потери приоритета и присвоения чужих разработок постигла пионерские работы В. В. Сахарова, Б. Н. Сидорова, Н. Н. Соколова и ряда других советских ученых.

В этот момент передо мной встала дилемма: избежать скандала и сделать вид, что я ничего не заметил (и благодаря этому сохранить с Дубининым хотя бы видимость добрых отношений), или заявить о фальсификациях (и создать несомненный прецедент в отношении с могущественным человеком, с которым меня к тому же долгие годы связывали добрые отношения). Все люди, сведения о которых Дубинин искажил, были уже мертвы и возразить не могли.

Я поразмышлял над случившимся, проникся убеждением, что прошлое восхищение Николаем Петровичем и совместная работа с ним в течение почти трех лет не дают мне морального права участвовать в содеянном им, тем более что всех ученых, кого сейчас Дубинин попытался (если говорить откровенно) обокрасть, я знал лично и был с ними дружен. Я решил принять зависящие от меня меры, чтобы исправить положение.

Поговорив с заведующим редакцией биологических наук энциклопедии О. М. Бенюмовым, я понял, что осторожный Осип Михайлович как-то меланхолично отнесся к сказанному. Дело было не только в том, что ссориться с академиком ему явно не хотелось, а без этой ссоры он не видел выхода из положения. Была проблема более серьезная, ведь тома были полностью подготовлены к выходу в свет, задержать их выход он просто не мог физически, у него на это не было никакой власти, а без задержки выхода книг в срок ничего поделать было нельзя. Получалось, что Дубинин все предусмотрел и точно рассчитал.

Тогда я решил написать письмо в ЦК партии о случившемся и попросить об отсрочке в печатании томов и восстановлении научной и исторической справедливости. С проектом письма я поехал к академику И. Л. Кнунянцу, чтобы рассказать ему обо всем, показать статьи, привести доказательства подделок Дубининым сведений о «себе великом» и познакомить его со своим письмом в ЦК партии. Он все изучил, одобрил и попросил меня, чтобы я сделал несколько копий письма в ЦК и отправил их одновременно в несколько инстанций. Мою настойчивую просьбу помочь восстановить историческую правду, пусть даже ценой задержки выпуска в свет томов БСЭ, он счел совершенно обоснованной.

Это письмо на пяти страницах было отправлено в ЦК КПСС, Президенту АН СССР М. В. Келдышу и главному редактору БСЭ академику и лауреату Нобелевской премии А. М. Прохорову 18 мая 1971 года. Через несколько дней А. М. Прохоров позвонил мне, сказал, что соберет совещание, и попросил принести с собой все доступные материалы в обоснование моих утверждений. Через два или три дня он собрал у себя в кабинете совещание работников редакции, туда пригласили меня и И. Л. Кнунянца (он был членом главной редакции энциклопедии).

Прохорова не интересовали эмоции, и тон разговоров был внешне совершенно сухим и лаконичным. Он понимал, что статьи были написаны мной, а Дубинин был просто к ним подписан как мой прежний начальник. Прохоров брал в руки последовательно каждую статью, подготовленную для включения в энциклопедию (Бенюмов передавал ему оригинал статьи, а потом набранную, отредактированную и сверстанную версии), знакомился с правкой, внесенной рукой Дубинина, и записями с моими несогласиями, внимательно и спокойно читал соответствующие места вслух, а затем просил меня предоставить ему по каждому пункту не просто объяснения, а дать ему в руки или копии старых статей, где содержались сведения о времени выхода их в свет, или сноски на эти статьи. Присутствовавшие при этом редакторы (Шаумян и Бенюмов) сидели молча, все происходило методично, спокойно и даже занудливо.

Иван Людвигович несколько раз страстно выражал свои эмоции, а Прохоров хранил академическое спокойствие.

Когда последняя из «исправленных» Дубининым статей была просмотрена и картина возвеличивания себя в ущерб исторической памяти о других ученых, его же учителях и коллегах, с которыми он проработал бок о бок много лет, стала совершенно ясной, Прохорова прорвало. Своим достаточно звонким голосом он громко закричал на всю комнату, что такое аморальное поведение недопустимо, что тома надо задержать, истину восстановить, а затем на каждой из окончательных версток статей написал своей рукой: «Восстановить исходный вид. А. Прохоров». Правда восторжествовала.

[1] Прекрасный анализ этих попыток дан в книге выдающегося биолога Леонида Яковлевича Бляхера «Проблема наследования приобретенных признаков» (М., «Наука», 1971).

[2] Из письма Энгельсу от 18 июня 1862 г., см.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., Госполитиздат, 1963, Т. XXX, стр. 205.

[3] См. например: Тейхман Эрнст. Наследственность. М., «Мир», 1911; Пённетт Р.К. Менделизм. М., «БИОС», 1911; Донкастер Л. Наследственность в свете новейших исследований. М., «БИОС», 1913; Корренс К. Новые законы наследственности. М., «БИОС», 1913; «Наследственность». Под ред. В. А. Вагнера. — Сб. № 4, серия «Новые идеи в биологии». СПб., «Образование», 1914; Филипченко Ю. А. Наследственность (с 90 рисунками в тексте). М., «Природа», 1917 (Серия «Естественно-историческая библиотека — Природа»).

[4] См.: Гульбе Д. Дарвинизм и теория мутаций. — «Под знаменем марксизма», 1924, № 8 — 9, стр. 157 — 166.

[5] Вскоре Смирнов напечатал брошюру «Проблема наследования приобретенных признаков. Исторический обзор литературы» (М., Изд. Комакадемии, 1927).

[6] Вермель в 1931 году издал еще одну монографию — «Эскизы о факторах, направляющих эволюцию» в трудах НИИ зоологии (том 4, вып. 3).

[7] Кузин и Вермель были арестованы вслед за Мандельштамом в 1935 году, Вермель погиб в заключении, видимо, в 1943 году. Кузин после лагеря был в ссылке в Шортандах и в Алма-Ате в Казахстане с 1938 по 1953 год, в 1944 году он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1951-м — докторскую, потом оказался в Борках на Биологической станции АН СССР, где и оставался до конца своей жизни (1973). Смирнов с 1940 по 1972 год был заведующим кафедрой энтомологии МГУ.

[8] Шварц А. Крушение Сергея Сергеевича. Из книги «Власть земли». — Журнал «Слово/Word», 2007, № 55.

[9] Об этом красочно повествует И. Ф. Жимулев в своих воспоминаниях в «Информационном вестнике ВОГиС» (1999, № 8).

[10] Я привел эту фотографию в своей книге «Тень Ленина его усыновила» (М., 2006, стр. 358).